

Ф. Яворский

**Петр III, его дурачества,
любовные похождения и кончина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф. Яворский**
Петр III, его дурачества, любовные похождения и кончина / Ф. Яворский – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 62 с.

ISBN 978-5-458-02440-2

ISBN 978-5-458-02440-2

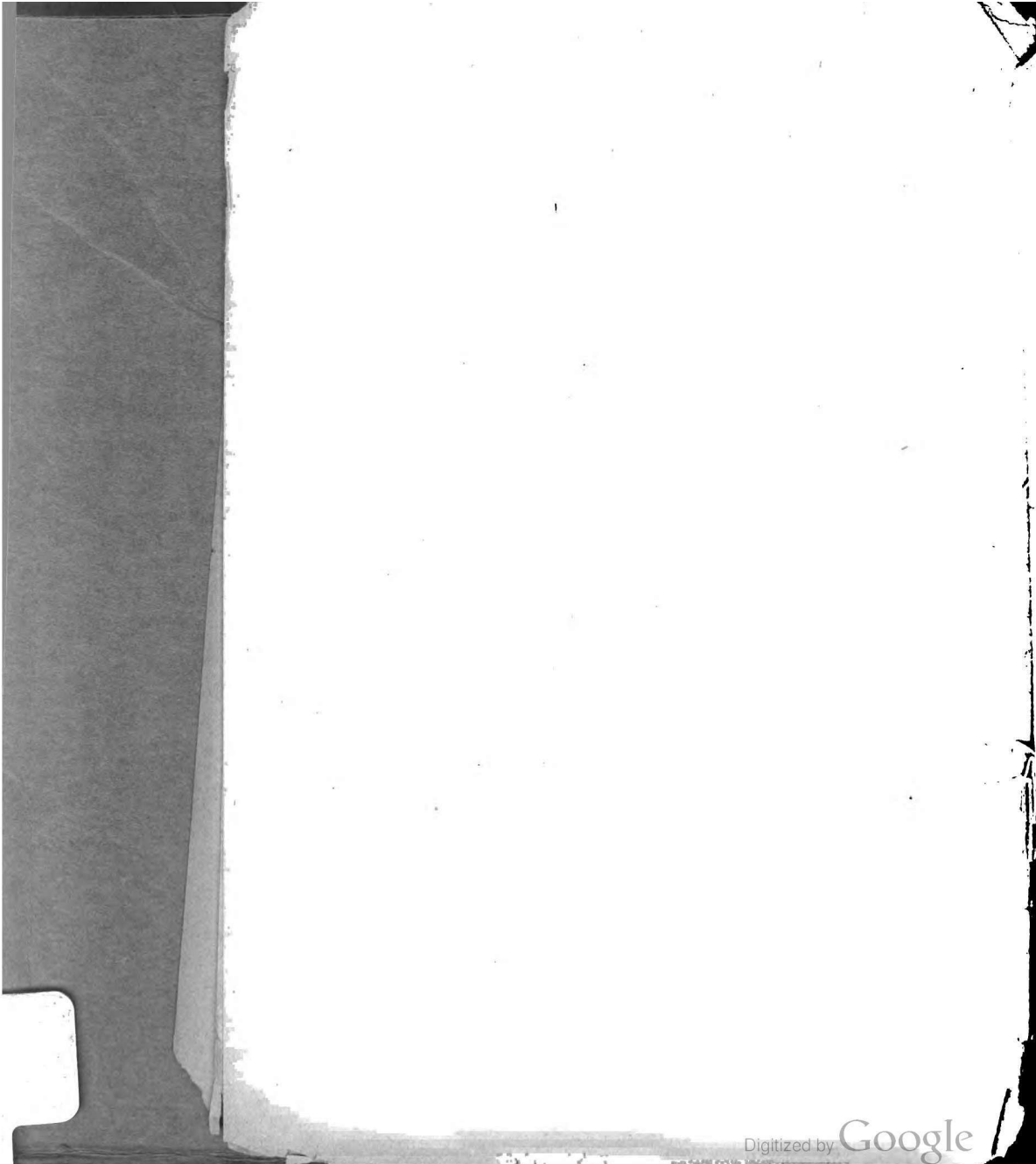
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Введение.

Весьма характеристичнымъ факторомъ русскаго абсолютизма является указъ Петра Великаго отъ 1722 г., въ которомъ этотъ кровожадный, ненасытной чувственностью одаренный деспотъ говоритъ: „предоставляется волѣ царствующаго монарха по своему усмотрѣнію назначать себѣ преемника, а также, съ случаѣ надобности, и отиѣнять таковое назначеніе“. И это постановленіе оставалось въ силѣ втеченіе цѣлаго столѣтія и висѣло какъ Дамокловъ мечъ надъ головой каждаго носителя царственной короны.

Завладѣвшіе трономъ и сосавшіе кровь изъ народа при помощи своихъ сатраповъ временщики постоянно дрожали передъ соучастниками своего величія, предъ своими фаворитами и даже своими дѣтьми, которые, при помощи придворныхъ заговоровъ, всегда могли свергнуть ихъ съ высоты престола и потопить въ собственной крови.

Когда Елизавета Петровна, или, какъ историкъ Зугензеймъ о ней говоритъ, „наираспутнѣйшая изъ женщинъ, когда-либо носившихъ царственный вѣнецъ“ въ 1741 г., съ помощью удавшейся дворцовой революціи, достигла трона, она немедленно позаботилась, съ цѣлью болѣе прочнаго обезпеченія за собой короны, назначить себѣ наследника. Своего же предшественника, малолѣтняго царя Ивана Алексѣевича, со всей его родней, она повелѣла заключить въ тюрьму, гдѣ они погибли съ отчаянія, испытывая всевозможныя пытки, поруганія и пр. звѣрства. И

хотя матушку-царицу, „благовѣрную“ дочь „великаго преобразователя Руси“ и надѣлила природа довольно богатымъ потомствомъ, происходившимъ отъ ея официальныхъ и полуофициальныхъ любовниковъ (Разумовскаго, Салтыкова), а также и отъ бравыхъ ребятушекъ-солда тушекъ, съ которыми она такъ особенно охотно проводила длинные вечера и ночи до 11 и 12 часовъ пополуни, тѣмъ не менѣе она не рѣшалась избрать одного изъ этихъ ублюдковъ въ преемники, а сочла за болѣе умѣстное и цѣлесообразное объявить наследникомъ сына сестры, Анны, четырнадцати-лѣтняго герцога Петра Гольштейнскаго.

Петръ III.

Петръ родился въ г. Киль 10/22-го Февраля 1728 года, по отцу и дѣду былъ онъ крещенъ Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ.

Суевѣрные люди съ первыхъ дней жизни юнаго князя предсказывали ему недобрую будущность: въ день его крещенія взорвало пороховой ящикъ, и это, по ихъ словомъ, было худой примѣтой.

И, правда, вскорѣ пришлось трехлѣтнему младенцу лишиться матери, умершей отъ простуды. Отецъ имъ вовсе не занимался, его отвлекали болѣе важныя дѣла, нежели воспитаніе малютки, да впрочемъ и при жизни жены его герцогъ велъ себя настолько распутно и такъ мало думалъ о своей семьѣ, что герцогиня Анна нерѣдко плакалась на свою горькую судьбу и писала Елизаветѣ: „герцогъ и Маврушка*) окончательно опошались. Онъ ни одного дня не проводитъ дома, развѣзжаетъ съ нею совершенно открыто въ экипажѣ по городу, отдастъ съ нею вмѣстѣ визиты и посѣщаетъ театры“. Жены онъ мало стѣснялся, но когда она умерла, то пала и послѣдняя преграда для него, и для „счастливаго“ вдовца развернулся совершенно свободный путь.

До 1735 г. принцъ Петръ оставался подъ присмотромъ женскихъ наставниковъ, но когда ему исполнилось 7 лѣтъ, его ввѣрили нѣсколькимъ гольштинскимъ дворянамъ для воспитанія и обученія. Кромѣ французскаго языка, кото-

*) Любовница и содержанка герцога, Мавра Егоровна Шепелева.

рый Петръ успѣлъ уже изучить, находясь еще у своихъ воспитательницъ и которымъ онъ и далѣе продолжалъ заниматься, обучался онъ всего лишь еще латинскому языку; когда же былъ возбужденъ вопросъ о его возможномъ переселеніи въ Россію для занятія тамъ важнаго поста наслѣдника престола, для Петра были выписаны русскіе ученые, и эти умудрили его въ языкъ и законъ Божиимъ новой родины мальчика. Но послѣдніе предметы преподавались настолько неправильно, что кромѣ отвращенія онъ ничего другаго къ нимъ не питалъ и питать не могъ.

Въ 1739 г., когда юношѣ было всего лишь 11 лѣтъ, умеръ и его отецъ, оставивъ съ полдюжины въ траурѣ облеченныхъ любовницъ и въ конецъ разоренное герцогство своему возлюбленному сыну Петру, о которомъ, замѣтимъ между прочимъ, не рѣдко поговаривали, что онъ въ дѣйствительности былъ плодъ незаконной связи его дорогой мамы съ Брюмеромъ, который позднѣе числился преподавателемъ Петра, но за вѣрность этихъ толковъ мы однако ручаться не беремся.

Итакъ, сираго Петра нужно было куда нибудь пристроить, и его отправили къ опекуну его, дальнему родственнику Адольфу - Фридриху, епископу Любекскому, сдѣлавшемуся позднѣе шведскимъ королемъ. Но обученіе и воспитаніе его и тутъ не измѣнилось къ лучшему, его воспитатели вмѣсто того, чтобы воспитывать характеръ юноши, испортили и развратили Петра окончательно. Одинъ изъ этой мудрой пары, нѣкто фонъ-Брюмеръ, о которомъ была уже рѣчь выше, былъ крайне грубый интриганъ, волокита, искусный берейтеръ, но ни подъ какимъ видомъ не воспитатель. Съ своимъ питомцемъ обходился онъ до невѣроятности нелюбезно и грубо, постоянно ругался самыми непозволительными словами и билъ Петра за пустѣйшія мелочи самымъ беспощаднымъ образомъ. Второй же просвѣтитель, Берггольцъ, мальчикомъ вовсе не занимался и находилъ рѣшительно все въ порядкѣ, что творилось его коллегой Брюмеромъ.

Бѣдный князекъ росъ въ такихъ условіяхъ, больной и исхудалый, и не было ни одной души среди его окружавшихъ, которая питала бы къ нему состраданіе, которая хоть сколько нибудь постаралась бы улучшить суровую долю неповиннаго сироты. Не взирая на физическую слабость Петра, Брюмеръ мучалъ его часто до двухъ часовъ и позднѣе голодомъ, и если несчастный мальчикъ, гонимый голодомъ, украдывалъ на кухнѣ черствый кусокъ хлѣба и наѣдался этимъ до сыта, и, разумѣется, въ обѣденную пору ѣсть не могъ, Брюмеръ гналъ его отъ стола, навѣшивалъ ему вокругъ шеи большой рисунокъ, изображавшій осла, давалъ ему въ руки розги и Петръ въ такомъ видѣ долженъ былъ сидѣть въ углу, а часто и стоять на колѣняхъ и смотрѣть на обѣдавшихъ. Побоямъ и надругательствомъ и счету не было, чувство самоуваженія было окончательно забито, но зато Петръ сталъ крайне вспыльчивъ и упрямъ, и къ этому присоединился другой порокъ, отъ котораго онъ и по гробъ своей жизни могъ отрѣшиться: страсть ко лжи и хвастовству, и это послѣднее вызывало и въ Петербургѣ, когда уже Петръ блисталъ своимъ величіемъ, смѣхъ и ненависть къ нему со стороны приближенныхъ. Уродливый, болѣзненный полуидіотъ-царевичъ уже на 11-мъ году научился отъ своихъ лакеевъ употребленію спиртныхъ напитковъ и въ этомъ обществѣ онъ чувствовалъ себя всего лучше и даже, будучи въ Россіи, Петръ проводилъ среди своихъ холоповъ цѣлые вечера и пьянствовалъ съ ними до безпамятства. Отъ нихъ черпалъ онъ и свои свѣдѣнія о государственныхъ дѣлахъ, отъ нихъ же онъ узнавалъ и всевозможныя придворныя тайны, сальныя анекдоты и пр. и пр.

Въ одинъ прекрасный день объявили Петру, что онъ будетъ призванъ не на русскій, а на шведскій престолъ: изученіе русскаго языка а также православнаго культа было поэтому отмѣнено, и на ихъ мѣстѣ появились шведскіе учебники, лютеранское законовѣдѣніе и пр., и въ

этомъ направленіи велось поспитаніе мальчика довольно продолжительное время.

Но вотъ въ ноябрѣ 1741 г. Елизавета Петровна овладѣваетъ всероссійскимъ престоломъ, и вскорѣ послѣ того пишетъ она своему племяннику, нашему герою, что она имѣетъ намѣреніе призвать его къ себѣ и готовить къ престолонаслѣдію. Разумѣется со всѣхъ сторонъ явились поздравители, всѣ увѣряли, что молодаго принца ожидаетъ несказанное счастье, не подозревая, однако, того, что за счастье ожидало его въ дѣйствительности въ его новой сторонкѣ Эхъ, лучше бъ онъ туда вовсе не ѣхалъ!

Въ январѣ 1742 г. былъ торжественный въѣздъ молодаго принца въ Петербургъ. Императрица встрѣтила его въ Зимнемъ дворцѣ со всѣми почестями. Будни стали праздниками, всюду музыка, народныя увеселенія, балаганы Народъ толпами стремился на Невскій проспектъ, посмотрѣть на своего будущаго властителя. Отовсюду слышалось несмолкаемое „ура“, шапки летѣли чуть не въ экипажи нашихъ высочайшихъ особъ и, кажется, такого счастья Россія и испоконъ вѣку не знавала

А личность Петра самого описываетъ хроникѣръ вотъ какъ. Онъ говоритъ: „съ лица герцогъ необыкновенно блѣденъ, тѣлосложеніе онъ крайне хилаго, все говоритъ за то, что Петръ слабой конституціи“. Длинные русые волосы чесалъ онъ по-испански, что было тогда въ модѣ, сильно пудрилъ ихъ и выглядывалъ уже старикомъ даже въ свои юношескіе годы. Врачи съ самаго начала должны были заняться молодымъ человѣкомъ и медикаментамъ, прописывавшимся для Петра, счету не было.

Съ этого же момента начинается нѣкоторое измѣненіе въ преподавательной методѣ. Главнымъ учителемъ принца назначенъ профессоръ Штелинъ, и преподаваніе ведется уже по исторіи, географіи, математикѣ, физикѣ, этикѣ и политикѣ. Кромѣ того будущій русскій царевичъ имѣлъ четыре раза въ недѣлю уроки русскаго языка, зубрилъ

догмы православной церкви, и когда Петръ съ послѣдними достаточно былъ ознакомленъ, его присоединили (въ ноябрь 1742 г.) къ церкви страны. Отнынѣ онъ носилъ имя Петра Феодоровича, величался императорскимъ высочествомъ и высочайшимъ манифестомъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола.

Итакъ, Елизавета Петровна могла спокойно глядѣть въ будущность. Ея опасенія за то, что, не имѣя официальнаго наслѣдника, ея многочисленные любовники могли покуситься на русскій престолъ, были теперь разсѣяны и чтобы еще болѣе имѣть гарантіи въ обезпеченіи за собою короны, Елизавета стала подумывать о бракѣ о ту пору 15-ти лѣтняго Петра съ какой нибудь принцессой и этимъ самымъ дать святой Руси надежду на болѣе спокойное будущее.

Невѣста была нужна вліятельная, и поэтому и пріисканіе ея было вопросомъ крайне не легкимъ.

Спекулянты при дворѣ, какъ барышники, рвались, одинъ обгоняя другаго, за тѣмъ, чтобы „пристроить“ свою даму, каждый доказывалъ важность рекомендуемой имъ партіи, каждый пытался урвать какъ можно больше выгодъ изъ своего „гешефта“. Иностранные посланники совѣтывали царицѣ остановиться на ихъ „товарѣ“ и поэтому въ народѣ то и дѣло всплывали то такія, то другія вѣсти, и сегодня поговаривали объ англійской, завтра о французской принцессѣ.

Елизавета-же имѣла особенную склонность къ тремъ принцессамъ, а именно къ Софіи-Цербстской, Маріи Саксонской и Амаліи-Прусской, но послѣднія объ сразу заявили, что онѣ уже по той одной причинѣ не могутъ согласиться на бракъ съ наслѣдникомъ, что не желаютъ мѣнять вѣры.

О ту же пору писалъ Фридрихъ Великій своему петербургскому уполномоченному: „насчетъ моихъ сестеръ извѣстно вамъ мое мнѣніе — я ни одной изъ нихъ не отдамъ въ Россію, и Меня удивляетъ, почему госу-

дарыня не остается при ея выборѣ цербстской принцессы, которая принадлежитъ къ гольштейнскому роду, т. е. къ тому, который, какъ извѣстно, императрицей очень любимъ.

Но вотъ въ мартѣ 1743 г. прїѣзжаетъ въ сѣверную столицу принцъ Августъ Гольштейнскій и привозитъ портретъ своей племянницы, 14-ти лѣтней принцессы Софіи-Августы-Фридерики Ангальтъ-Цербстской. Выразительная и красивая физіономія дѣвушки императрицѣ импонируетъ, да и молодчикъ нашъ, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, смотритъ на эти черты съ видимымъ удовольствіемъ.

Къ тому же принцесса Софія имѣла еще и тѣ преимущества, что мать ея была урожденная гольштейнская княгиня и сестра герцога Людвигъ-Эрвста, за котораго Елизавета была посватана, но который умеръ въ день бракосочетанія. Это послѣднее напомнило ей ея несчастнаго жениха, вызвало старыя воспоминанія и говорило такимъ образомъ болѣе въ пользу выбора Софіи, чѣмъ прочихъ претендентокъ.

Она остановилась на этомъ выборѣ и въ концѣ того же года приказала гофмаршалу великаго князя, знакомому уже намъ Брюммеру, проситъ въ гости въ Петербургъ княгиню цербстскую, а также и дочь ея и выслала имъ 10 000 рублей дорожныхъ.

Далѣе напомнимъ при этомъ, что Фридриху Великому принадлежитъ несчастная для Россіи мысль рекомендовать эту принцессу въ жены наследнику, и когда Софія къ великому удивленію всей Европы появилась въ Петербургъ, то было это такое-же нападеніе Фридриха на Россію, какое было незадолго до того на Австрію, у которой онъ отнялъ Силезію, только съ той развѣ разницей, что въ Силезію онъ посылалъ солдатъ, въ Россію же серебрянные талеры, которыми и подкупилъ всѣхъ, начиная съ канцлера и кончая послѣднимъ лакеемъ и попомъ. И было для чего, вѣдь, какъ нынѣ уже достоверно извѣстно, Софія была его незаконной дочерью, прижитой имъ изъ связи съ женой

князя Христиана-Августа Ангальт-Цербстскаго, а Фридрихъ всегда говорилъ: „я очень люблю дѣтей любви“ и заботился о нихъ, какъ мы видимъ, и въ данномъ случаѣ вполне по-отцовски, а не только по-царски. Такъ напр. по свидѣтельству историка Рувьера и нѣкоторыхъ другихъ, Фикхенъ (такъ называлась наша великая Екатерина въ своей семьѣ) все время молодости провела въ Берлинѣ, а первые годы зрѣлости даже при дворѣ Фридриха.

Итакъ презрѣнный металлъ оказалъ должное вліяніе, дорога для юной Фикхенъ была расчищена, — и Софія-Фридерика въ Петербургъ.

Въ началѣ 1744 года прибыла она съ своей матерью въ нашъ возлюбленный Петрополь, а такъ какъ дворъ всего лишь за двѣ недѣли до того переселился въ Москву, то и августѣйшія гости покатили туда-же. Это было 9-го февраля, а на слѣдующій день Петръ праздновалъ день своего рожденія.

За три версты до города встрѣтилъ нашихъ высокихъ особъ Сиберсъ, любовникъ и камеръ-юнкеръ царицы, и послѣдній увѣрялъ нашихъ дамъ, что и государыня и цесаревичъ съ нетерпѣніемъ ждутъ дорогихъ гостей и считаютъ минуты и секунды, остающіяся до встрѣчи съ ними.

Наконецъ экипажи подкатили ко дворцу. Въ прихожей Ангальтскія принцессы были привѣтствованы Брюммеромъ и Лестокомъ, чрезъ нѣсколько минутъ появился и Петръ и, разумѣется, отрекомендовался своей будущей belle-mère и невѣстѣ самымъ официальнымъ образомъ, что вообще лежало въ его натурѣ.

Было уже довольно поздно, но тѣмъ не менѣе Елизавета просила пріѣзжихъ въ свои спальные апартаменты, гдѣ долгое время продолжались объятія, всевозможны увѣренія и обѣщанія. Елизавета съ радости просто съ ума сходила: подаркамъ счету не было и, между прочимъ, вручила она пріѣзжей княгинѣ табакерку, усыпанную драгоценнѣйшими брилліантами, а также перстень и замѣтила при